

Пролог: Отголоски минувшего

Ночной ливень смыл пыль и суету Запретного города, но не смог очистить глубины дворцовых покоев от скрытых течений. На следующее утро небо прояснилось, на глазурной черепице играли блики воды, в воздухе разлилась свежая, влажная прохлада, но алые дворцовые стены, казалось, были суровее и холоднее обычного.

В час утренних поклонов во Дворце Цзинжэнь царила особенно напряженная атмосфера. Наложницы сидели согласно старшинству, все с опущенными глазами, более смиренные и молчаливые, чем обычно. В воздухе витало невысказанное напряжение. Все украдкой косились на два пустующих места — одно принадлежало Наложнице Дуань, которая постоянно хворала, и ее отсутствие было обычным делом; второе — Наследной наложнице Хуа.

Вчера еще кипящая от негодования из-за пайков во дворце Императрицы, яркая и своенравная Нянь Шилань сегодня впервые не появилась. Наследная наложница Ци прижала платок к губам, хотя кашля не было, взгляд ее блуждал, выдавая плохо скрытое злорадное любопытство. Драгоценная особа Цао потупила взор, разглядывая вышивку на носках своих туфель, на лице — спокойствие, словно она была непричастна, и лишь чуть сжатые пальцы выдавали внутреннее беспокойство. Остальные драгоценные особы и постоянные и вовсе притихли, боясь лишним вздохом привлечь нежелательное внимание.

Императрица И Сю восседала на троне Феникса, все такая же величественная, милосердная и кроткая. Приняв поклоны присутствующих, она спокойно обвела взглядом зал, на мгновение задержалась на пустых местах и произнесла ровным, как всегда, голосом: — Наследная наложница Хуа нездорова и сегодня отпросилась.

Этой легкой фразой она предала забвению вчерашнюю бурю и ночной переполох, задав тон на сегодня: ничего не случилось. О чем думали присутствующие, осталось неизвестным, но на лицах у всех появилось подобающее участие, слышались слова вроде: — Пусть младшая сестра Хуа хорошенько отдохнет.

И Сю видела все это насквозь и в душе усмехалась. В Заднем дворце никогда не было недостатка в зрителях и подозрениях. Она перевела разговор на успехи и быт принцев и принцесс, уводя тему в сторону, словно вчерашние гром и молнии в Зале Воспитания Сердца и чистка во Внутренней придворной управе были лишь незначительным сном.

Когда церемония поклонов уже близилась к концу, евнух у входа в зал возвестил: — Прибыл Император!

Все вздрогнули и поспешно встали, приветствуя его. Инь Чжэнь вошел широким шагом в простом темно-синем одеянии. На лице не читалось ни радости, ни гнева, лишь в складках меж бровей залегла не проходящая усталость и холодная суровость. Взгляд его, острый как молния, скользнул по залу, не задержавшись ни на мгновение на пустующем месте Наложницы Хуа.

— Встаньте, — произнес он ровным голосом, направляясь прямо к главному месту рядом с И

Сю и садясь. Наложницы снова опустились на свои места, но стали еще более скованными, не смея дышать. Государь в этот час обычно бывал на утреннем совете или в кабинете, редко появлялся в покоях Заднего дворца во время утренних поклонов. Его внезапный визит сегодня наверняка имел причину.

Инь Чжэнь принял чай от служанки, но не стал пить, лишь легонько водил крышечкой по пенящейся поверхности, словно небрежно спросил: — Вчера я наказал нескольких червей из Внутренней придворной управы. Во дворце не ходят ли какие лишние разговоры?

Вопрос прозвучал неожиданно, и воздух в зале мгновенно застыл. Все взгляды, прямые или скрытые, устремились на Императрицу И Сю.

Та поставила чайную чашку, слегка привстала, делая поклон, и мягко, сдержанно ответила: — Докладываю Вашему Величеству, в Заднем дворце все по-прежнему, никаких сплетен не слышала. Люди из Внутренней придворной управы осмелели, но Ваше Величество, ясно видя все, провели чистку, что как раз послужит очищению дворцовых покоев и восстановлению должного порядка. Все шесть дворцов лишь преисполнены благодарности за мудрость Вашего Величества, откуда же взяться нареканиям?

Она ответила безупречно, одновременно сняв подозрения с Заднего дворца и воздав хвалу Императору, легко рассеяв возможную бурю.

Инь Чжэнь поднял взгляд, глубокий и темный, остановил его на лице И Сю, словно пытаясь разглядеть что-то за этой безупречной покорностью. И Сю спокойно встретила его взгляд, глаза ее были чисты и ясны, ни единой тени.

Через мгновение Инь Чжэнь едва заметно кивнул: — Императрица управляет шестью дворцами всегда безупречно и со знанием дела, я весьма доволен. — Он сменил тему, словно ведя светскую беседу, но в голосе чувствовалось незримое давление: — Почему сегодня не видно Наследной наложницы Хуа?

Началось.

В душе И Сю прозвучал тревожный звоночек, но на лице отразилась лишь уместная озабоченность: — Докладываю Вашему Величеству, вчера, вернувшись, младшая сестра Хуа почувствовала недомогание, а ночью еще и простудилась. Сегодня утром она специально прислала просить об отпуске. Я уже распорядилась, чтобы придворный лекарь ее осмотрел.

— О? Заболела? — голос Инь Чжэня был ровным, не выказывая ни капли участия. — Нянь Гэнъяо на северо-западе командует войсками, труды его велики и заслуги высоки. Его сестра во дворце, тебе, императрица, придется уделять ей больше заботы.

Слова эти звучали как проявление заботы о подчиненном и поручение императрице, но каждое слово было ударом. Он напоминал И Сю о могуществе клана Нянь и намекал, что за Нянь

Шилань нужно присматривать, чтобы не допустить смуты, и уж тем более не пытаться под видом заботы перетянуть ее на свою сторону.

И Сю усмехнулась в душе, но лицо ее стало еще почтительнее: — Ваше Величество изволит шутить. Забота о сестрах в Заднем дворце — моя прямая обязанность. Младшая сестра Хуа молода, характер хоть и прямой, но приличия и правила блюдет. Я, конечно, буду прилагать все усилия.

Она ловко парировала удар, представив «заботу» как долг императрицы, а «прямоту» Нянь Шилань — как «соблюдение ритуалов и правил», легко нейтрализовав проверку Инь Чжэня.

Тот смотрел на нее мгновение, потом вдруг улыбнулся, но улыбка не достигла глаз: — С императрицей я, конечно, спокоен. — Он поставил чашку, поднялся. — В Переднем дворце есть дела, я пойду.

— Провожаем Ваше Величество. — И Сю вместе со всеми встала, кланяясь.

У самого порога шаг Инь Чжэня чуть замедлился. Не оборачиваясь, он бросил легкую фразу: — Да, кстати, я помню, в кладовой еще есть несколько отличных корней старого горного женьшеня. Императрица, не забудь выбрать один и отправить Наследной наложнице Хуа, чтобы она спокойно поправлялась.

Императорский кортеж удалился. Застывший воздух в зале словно снова пришел в движение. Наложницы одна за другой стали откланиваться, на лицах у всех была сложная гамма чувств. Слишком много информации было получено сегодня на утреннем поклоне, нужно было вернуться и хорошенько обдумать.

И Сю осталась сидеть одна на троне Феникса, кончики пальцев у нее похолодели. Последние слова Императора были настоящим ударом.

Корень старого горного женьшеня — это и награда, и проявление заботы, но также предупреждение и надзор. Награда — для клана Нянь, забота — напоказ шести дворцам, предупреждение — ей и Наложнице Хуа: каждый ваш шаг мне известен. А надзор... Когда этот корень доставят, станет ясно — будет Наложница Хуа его принимать или нет? Примет — значит благодарит за милость; не примет — значит недовольна волей государя. И так, и эдак она снова окажется в самом центре бури.

Каков же ты, Инь Чжэнь! Каждый шаг просчитан, коварство глубоко.

Подошла Цзянь Цю и тихо спросила: — Ваше Высочество, а как же женьшень...

— Выбери самый лучший и отправь. — голос И Сю был бесстрастен. — Скажи, что это дар государя, пусть Наследная наложница Хуа хорошенько отдыхает и без надобности не выходит

из покоев.

— Слушаюсь. — Цзянь Цю поняла: это приказ Наложнице Хуа временно затаиться.

И Сю закрыла глаза, потерла переносицу. Она вспомнила, как прошлой ночью Нянь Шилань стояла на коленях, ее глаза, полные страха и мольбы. Когда тот корень женьшеня доставят, как же перепугается эта испуганная пташка?

Легкая тень досады, которую она сама в себе не замечала, скользнула по сердцу.

После полудня солнечный свет, проходя сквозь решетчатые оконные рамы, отбрасывал на пол причудливые пятна. И Сю только что проснулась после краткого отдыха, как пришла Цзянь Цю с докладом: — Ваше Высочество, придворный лекарь от госпожи Наследной наложницы Хуа вернулся с ответом. Говорит, от страха и потрясения в сочетании с простудой прописал успокаивающее и жаропонижающее средство, нужно несколько дней покоя. Кроме того... тайком приходила Сун Чжи, сказала, что ее госпожа желает видеть Вас...

Рука И Сю, державшая кисть, чуть дрогнула. Страх и потрясение... Видно, и вправду сильно напугана.

— Я поняла. — Она отложила кисть. — Ступай на малую кухню, захвати ту чашу тушеного с сахаром птичьего гнезда.

Когда она снова ступила во Дворец Икунь, атмосфера здесь разительно отличалась от прежней. Дворцовые слуги сновали с беспокойными лицами, в зале стоял тяжелый запах лекарств, давящий, не дающий дышать. У Сун Чжи были красные глаза, она проводила И Сю во внутренние покои.

Нянь Шилань полулежала на кане, лицо бледное, губы без кровинки, прекрасные глаза утратили былой блеск, были пусты и полны испуга. Увидев И Сю, она оживилась, сделала попытку привстать, но И Сю мягко удержала ее за плечо.

— Лежи, раз больна, не нужно церемоний. — голос И Сю был необычайно мягок, в комнате, пропитанной запахом трав, он звучал особенно тепло.

Она села рядом, взгляд скользнул по стоящему на столике у кровати тому самому корню старого горного женьшеня в парчовой шкатулке — заметному и красноречивому. Все было ясно.

— Ваше Высочество... — как только Нянь Шилань заговорила, в голосе ее зазвучали слезы, они быстро наполнили глаза. — Государь... Государь пожаловал мне женьшень... Я... Я боюсь... — словно хватаясь за соломинку, она вцепилась в рукав И Сю, пальцы ее были холодны и дрожали.

Этот корень женьшеня казался ей ничем иным, как смертным приговором.

И Сю накрыла ее холодную руку своей, легонько похлопала: — Глупая, это милость государя, забота о твоей болезни, чтобы ты спокойно поправлялась. Чего бояться?

— Но... но ведь только вчера... — Нянь Шилань заговорила бессвязно, страх лишил ее способности здраво мыслить.

— Вчера — это вчера, сегодня — это сегодня. — прервала ее И Сю, голос твердый, с властной непоколебимостью. — Государь жалуется — ты принимай с покорностью, вовремя пей, поправляй здоровье — это и будет величайшей благодарностью государю. Об остальном не думай, я все улажу.

Взгляд ее был спокоен и решителен, словно мог разогнать любой мрак. Нянь Шилань застыла, глядя на нее, слушая ее уверенный голос, чувствуя исходящее от ее руки тепло. Бешено колотящееся сердце и впрямь начало постепенно успокаиваться. Да, рядом госпожа Императрица. Как прошлой ночью, так и сегодня. Она была словно лодка, застигнутая бурей, наконец увидевшая путеводный маяк.

— Я... Я послушаюсь Вас, Ваше Высочество. — тихо проговорила она, еще крепче сжимая руку И Сю в поисках опоры.

И Сю позволила ей держать себя, другой рукой легонько отводя с ее лба влажные от пота пряди волос: — Вот умница. Поправиться — сейчас самое главное. А когда выздоровеешь, я отведу тебя в Императорский сад смотреть хризантемы.

Голос ее был мягок, словно она успокаивала ребенка, с почти ласковой нежностью. На бледном лице Нянь Шилань наконец появился слабый румянец. Она смотрела на И Сю, в глазах ее блестели слезы, и кроме зависимости и благодарности, в них, казалось, зарождалось что-то еще.

И Сю смотрела на нее — полностью доверчивую, словно не способную жить без нее. Досада, вызванная методами Императора, незаметно рассеялась, уступив место более глубокому чувству — удовлетворению от полного контроля.

Испуганная птичка больше всего нуждается в покровительстве охотника. А цена покровительства — полная принадлежность.

Когда она покидала Дворец Икунь, солнце уже клонилось к закату, окрашивая край неба в болезненно-яркий оранжево-красный цвет. Цзянь Цю тихо произнесла: — Госпожа Наследная наложница Хуа, похоже, и впрямь перепугана до смерти.

И Сю шла неторопливым шагом, тень ее, вытянутая закатным солнцем, стелилась по земле. На

губах ее играла едва заметная улыбка.

— Страх — это хорошо. — тихо, почти неслышно произнесла она, и слова ее растворились в вечернем ветерке. — Когда знаешь страх, понимаешь, чье покровительство в этих глубоких дворцах самое надежное.

Взошла ясная луна, залив все серебристым светом, ее платье Феникса засияло в лунных лучах чистотой. Она подняла голову, взглянула на луну, становившуюся все отчетливее, взгляд ее был глубок и задумчив.

О Феникс, о Феникс, где же добродетель твоя?

Крылья уже окрепли, можешь парить над миром.

Садись лишь на дерево У, пьешь лишь росу.

Но если встретится заблудшая птаха, что сама в объятия просится,

отчего ж не приютить ее, пусть и на время, в клетке?

<http://bllate.org/book/18894/1846948>